

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-110-116>

EDN WHABRA

Страхование гражданской ответственности за причинение вреда при внедрении искусственного интеллекта: экспериментальные правовые режимы в условиях конституционных трансформаций

**Петр Петрович Баттахов¹,
Юлия Сергеевна Овчинникова²**

^{1,2}Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

¹battakhov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2251-4312>

²domosedka@mail.ru

Аннотация. Трансформации политических систем оказывают прямое влияние на технологические переходы в развивающихся государствах. Основными инструментами таких переходов становятся экспериментальные правовые режимы. При этом экспериментальный правовой режим – ничто иное, как особый порядок правового регулирования, который нацелен на введение в российскую экономику цифровых инноваций и имеет определенные ограничения, касающиеся субъектного состава, а также в пространстве и времени. Обязательное страхование ответственности за причинение вреда (технологиями искусственного интеллекта) – совершенно новое явление для отечественного права. Сформулирован вывод о том, что имущественный интерес субъекта ответственности за причинение вреда в данной разновидности страховых правоотношений состоит в нейтрализации негативных последствий имущественного характера, которые связаны с наступлением гражданской ответственности за причинение вреда искусственным интеллектом.

В статье сделаны предложения о внесении изменений в законодательство, которые могут заключаться во введении норм о причинении вреда искусственным интеллектом (и страховании ответственности за его причинение) не только жизни и здоровью физических лиц, имуществу юридических лиц, но и природным объектам, а также окружающей среде в целом.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим, гражданская ответственность за причинение вреда, страховые правоотношения, искусственный интеллект, страховая сумма, страховая выплата

Для цитирования: Баттахов П. П., Овчинникова Ю. С. Страхование гражданской ответственности за причинение вреда при внедрении искусственного интеллекта: экспериментальные правовые режимы в условиях конституционных трансформаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 4. С. 110–116. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-110-116>. EDN WHABRA

Civil liability insurance for harm caused by the introduction of artificial intelligence: experimental legal regimes in the context of constitutional transformations

Petr P. Battakhov¹,
Julia S. Ovchinnikova²

^{1,2}Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

¹battakhov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2251-4312>

²domosedka@mail.ru

Abstract. Compulsory liability insurance for harm (artificial intelligence technologies) is a completely new phenomenon for domestic law. At the same time, the experimental legal regime is nothing more than a special procedure for legal regulation, which is aimed at introducing digital innovations into the Russian economy and has certain restrictions regarding the subject composition, as well as in space and time. The conclusion is formulated that the property interest of the subject of responsibility for causing harm in this type of insurance legal relations consists in neutralizing the negative consequences of a property nature, which are associated with the onset of civil liability for causing harm to artificial intelligence. The article makes proposals for amending the legislation, which may consist in introducing norms on causing harm to artificial intelligence (and insuring liability for causing it) not only to the life and health of individuals, the property of legal entities, but also to natural objects, as well as the environment as a whole.

Keywords: experimental legal regime, civil liability for harm, insurance legal relations, artificial intelligence, insurance amount, insurance payment

For citation: Battakhov P. P., Ovchinnikova Ju. S. Civil liability insurance for harm caused by the introduction of artificial intelligence: experimental legal regimes in the context of constitutional transformations. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(4):110–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-4-110-116>. EDN WHABRA

Введение

Конституционные реформы в постсоветских странах могут существенно влиять на правовую базу и регулирование новых технологий, включая искусственный интеллект, через внедрение экспериментальных правовых режимов. В странах с суперпрезидентскими моделями власть может инициировать масштабные законодательные инициативы, в том числе в области новых технологий.

Недавно принятый Федеральный закон от 08.07.2024 № 169-ФЗ¹ внес значительные новшества в сферу страховых правоотношений. Так, с 2025 года начнут действовать правила об обязательном страховании деликтной ответственности участников экспериментального правового режима (далее – ЭПР), основание которой – причинение вреда жизни, (здоровью) граждан или имуществу юридических лиц при внедрении искусственного интеллекта, а также других технологий.

В связи с этим возникает множество вопросов, свойственных как правовой науке, так и другим отраслям научного знания, в частности, чем по сути является искусственный интеллект, и кто является субъектом ответственности за его функционирование, какие возникают страховые риски, какие имущественные интересы подлежат страхованию, целесообразность введения страхования деликтной ответственности участников ЭПР.

¹ Федеральный закон от 02.07.2021 N 331-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" // Российская газета. N 147–148, 07.07.2021.

Экспериментальный правовой режим: общая характеристика

Прежде чем говорить о страховании в сфере ЭПР и цифровых инноваций желательно уделить внимание историческому аспекту данного социального явления. Так, по мнению ученых, практика экспериментальных правовых режимов имела место уже в XVIII веке в Европе и имела цель повышения эффективности функционирования государственной администрации [1]. Далее практика по внедрению особых правовых режимов для регулирования некоторых общественных отношений с целью борьбы с преступностью и другими негативными общественными явлениями была отмечена в Европе и США.

В России на настоящий момент законодательством предусмотрена возможность введения ЭПР, значение которого состоит в формировании комфортных условий для разработки и внедрения так называемых цифровых инноваций¹. Помимо этого, направленность ЭПР, безусловно, состоит в открытии новых перспективных направлений в экономике, повышении доступности и качества (услуг и товаров), развитии экономики в целом - это с одной стороны. С другой стороны, ЭПР в любом случае означает исключение из общего правового регулирования, что потенциально может заключать в себе вероятность тех или иных нарушений субъективных прав и законных интересов третьих лиц. Данными факторами объясняется особая актуальность на настоящий момент фундаментальных исследований по поводу правовой природы и целесообразности экспериментальных правовых режимов, а также способов и средств их внедрения.

В ключе рассуждений о целях ЭПР, которыми являются новые экономические направления, можно подчеркнуть непосредственную связь последних с внедрением и апробацией цифровых инноваций в ту или иную сферу социально-экономической деятельности [2]. Речь, в частности, идет о таких областях как медицина (технологии, которые используются в телемедицине), производство (промышленность), сельскохозяйственная и строительная деятельность, архитектурное проектирование и т. д.

Так, как известно, ЭПР недавно был установлен в области медицины – речь идет об использовании новых усовершенствованных технологий.² В данном случае основная направленность данного ЭПР – расширение возможностей заочных консультаций с применением технологий телемедицины и дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациентов. Кроме того, ЭПР был недавно введен также в области транспортных услуг – речь идет о внедрении высокоавтоматизированных средств транспорта на отдельных территориях РФ³.

По своей природе ЭПР представляет собой порядок правового регулирования особого характера, который действует относительно его участников с целью эффективного внедрения таких достижений как цифровые инновации. Общее представление о таком правовом явлении как ЭПР возможно благодаря анализу его признаков, имеющих связь с вышеназванной целью (создание комфортных условий для внедрения в экономическую среду РФ цифровых инноваций).

Так, во-первых, особенностью экспериментального правового режима является то, что он устанавливается в отношении определенных лиц – участников экспериментального правового режима (речь идет о субъектах экспериментального правового режима, а также лицах, вступивших в соответствующие правоотношения). К субъектам экспериментального правового режима относятся

¹Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ", 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 501.

²Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 N 1164 (ред. от 16.07.2024) "Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан" // Собрание законодательства РФ", 24.07.2023, N 30, ст. 5693.

³Постановление Правительства РФ от 29.12.2022 N 2495 (ред. от 21.09.2024) "Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 02.01.2023, N 1 (часть II), ст. 300.

государственные органы (органы местного самоуправления) и юридические лица или индивидуальные предприниматели.

Во-вторых, действие ЭПР ограничивается конкретным сроком и обозначенной территорией, которые должны быть установлены программой экспериментального правового режима, одним словом, можно сделать вывод об определенном ограничении ЭПР в пространстве и времени.

Наконец, основной сущностный признак – действие специального правового регулирования, которое устанавливается в рамках экспериментального правового режима соответствующей программой и отличается от общего правового регулирования. Специальное правовое регулирование в рамках экспериментального правового режима устанавливается лишь постольку, поскольку это необходимо для реализации инновационных проектов.

Вышеназванные признаки вытекают из соответствующих принципов, речь идет об ограниченности ЭПР по кругу лиц, во времени и в пространстве, а также минимизации отступления от общего правового режима (ст. 4 ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ»).

При этом к объектам экспериментального правового режима относятся собственно цифровые инновации, которые имеют определенные характеристики. Так, во-первых, цифровые инновации представляют собой по своей сути результат интеллектуальной деятельности, работу (ее результат), услугу, товар или процесс (например, производства), которые имеют признаки нового или существенно усовершенствованного продукта¹. Во-вторых, цифровые инновации для признания таковыми должны быть созданы по конкретным направлениям, которые предусмотрены в законодательстве², речь идет, в частности, о вышеназванных сферах (медицина, сельское хозяйство, транспорт). Наконец, в-третьих, при создании цифровых инноваций могут быть использованы только те технологии, которые входят в перечень, утвержденный Правительством РФ.

Таким образом, экспериментальный правовой режим представляет собой порядок правового регулирования особого характера, который устанавливается с целью беспрепятственного внедрения в экономику РФ цифровых инноваций и имеет определенные ограничения как по субъектному составу, так и во времени, и в пространстве.

Страхование деликтной ответственности, связанной с внедрением искусственного интеллекта

Вопросы ответственности за вред, который причинен технологиями искусственного интеллекта, предстанут в более ясном формате после анализа понятия «причинение вреда» именно в данном контексте. Так, в соответствии с законодательством³ вред юридическим и физическим лицам, который связан с внедрением технологий искусственного интеллекта (и других технологий в рамках экспериментального правового режима), подлежит возмещению согласно общим положениям ГК РФ о причинении вреда [3].

Вместе с тем правовое регулирование в этой части имеет определенную специфику. Так, по правилам ФЗ № 169 (ст.1) случаи причинения вреда вследствие применения технологий искусственного интеллекта (как физическим, так и юридическим лицам) подлежат рассмотрению специально создаваемой для этого комиссией. При этом ставятся такие вопросы, как характер и объем вреда, который причинен жизни (здоровью) физических лиц или имуществу юридических лиц в результате внедрения искусственного интеллекта [4], обстоятельства, которые послужили возможной причиной причинения вреда, необходимость принятия соответствующих мер по предупреждению причинения вреда и т. д.

При анализе данной ситуации возникает вопрос, что представляет и может представлять собой такое явление как причинение вреда искусственным интеллектом [5]. Неопределенность состоит в том, что ни науке, ни законодателю, ни правоприменителю на настоящий момент в полной мере неизвестны признаки данного правового явления. Данная неопределенность может выразиться, в частности, в сложностях нахождения причинно-следственных связей между собственно причинением вреда и его последствиями.

¹ См. ст. 2 ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ».

² Там же. Ст. 1.

³ Там же. П. 4 ст. 5.

Вне всякого сомнения, одной из причин сложившейся ситуации является неоднозначность самого понятия «искусственный интеллект» – как для правоведов, так и для науки в целом. Кроме того, использование искусственного интеллекта (как в рамках экспериментального правового режима, так и в целом) влечет необходимость решения этических проблем взаимодействия человека и данных технологий во всех аспектах его жизнедеятельности, данный вопрос касается и возможного причинения вреда [6].

В этом плане можно согласиться с мнением, что относительно искусственного интеллекта представляется целесообразной разработка оптимальной модели правового регулирования, которая могла бы снизить риски причинения вреда и другого негативного воздействия новых технологий на жизнедеятельность человека [7]. Вместе с тем при построении данной модели стоит учитывать и другие объективные факторы, а именно, возможно негативное воздействие на производственную деятельность, природные объекты и окружающую среду в целом. При этом необходимо иметь в виду, что окружающая среда – комплексное понятие, которое включает в себя несколько компонентов – речь идет о компонентах природного, антропогенного и природно-антропогенного характера¹.

Следовательно, желательно, чтобы в законодательстве были закреплены нормы о причинении вреда искусственным интеллектом (и другими новыми технологиями в рамках экспериментального правового режима) не только здоровью и жизни физических лиц и имуществу юридических лиц, но и природным объектам, а также окружающей среде в целом.

Переходя к вопросу о страховании, необходимо отметить, что согласно вышеназванным изменениям (ФЗ № 169), программа конкретного ЭПР должна включать положения о страховании деликтной ответственности его участников как в результате внедрения искусственного интеллекта, так и других новейших технологий в рамках данного режима.

Таким образом, в данном случае можно говорить о страховых случаях двух видов – наступление деликтной ответственности участника экспериментального правового режима за причинение вреда собственно искусственным интеллектом, так и объектами иных новых технологий. Данная разновидность страхования по своей правовой природе относится к страхованию ответственности за причинение вреда (ст. 931 ГК РФ).

На настоящий момент проблема состоит в том, что правовое регулирование страхования гражданской ответственности участников ЭПР за вред, причиненный в результате внедрения и использования искусственного интеллекта и других новых технологий, содержит ряд неопределенных аспектов, которые могут негативно отразиться на реализации данных правоотношений.

Так, во-первых, в законодательстве недостаточно точно определен субъект ответственности за причинение вышеназванного вреда. Как известно, процесс разработки искусственного интеллекта состоит из нескольких стадий, в которых задействованы разные специалисты. В связи с этим возникает вопрос, кто является субъектом гражданской ответственности при причинении вреда искусственным интеллектом (равно как и объектами иных новых технологий).

При этом данный вопрос особенно важен при вступлении в страховые правоотношения – дело в том, что согласно п. 1 ст. 931 ГК РФ, по договору страхования ответственности за причинение вреда может быть застрахован имущественный интерес не только страхователя, но и иного лица, которое потенциально может нести деликтную ответственность (выгодоприобретателя). К примеру, участник ЭПР (страхователь) может заключить страховую сделку в пользу лица, которое разработало технологии искусственного интеллекта (выгодоприобретатель). При этом по своей правовой природе данный договор страхования может быть заключен только в пользу того лица (страхователя или выгодоприобретателя), которое несет соответствующую ответственность. По этой причине видится актуальным четкое определение в законодательстве субъекта ответственности при внедрении и использовании искусственного интеллекта (или иных новых технологий).

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что имущественный интерес субъекта деликтной ответственности в данной разновидности страховых правоотношений состоит в нейтрализации негативных последствий имущественного характера, которые связаны с наступлением гражданской ответственности за причинение вреда искусственным интеллектом. Соответственно,

¹ Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "Об охране окружающей среды" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Российская газета, № 6, 12.01.2002.

страховой риск в данном случае представляет собой потенциальную возможность наступления негативных имущественных последствий, связанных с гражданской ответственностью за причинение вреда.

Во-вторых, в законодательстве о данной разновидности страхования должны быть четко определены страховые случаи, страховые суммы и другие условия страхования, это объясняется обязательным характером данной разновидности страхования и отсутствием выбора со стороны участников относительно вступления в договорные отношения, что требует максимально выверенной правовой регламентации данных правоотношений.

Исходя из приведенных выше характеристик данной разновидности страховых правоотношений (прежде всего обязательный характер) целесообразно изменить правовую регламентацию таким образом, чтобы основные условия страхования, которые определяют качество страховой защиты (в частности, страховой случай, страховая сумма, порядок страховой выплаты), были закреплены именно в законодательстве, а не в программе экспериментального правового режима, как это имеет место в настоящий момент. Данный аспект представляется особенно значимым для защиты прав и имущественных интересов участников экспериментального правового режима.

Заключение

1. На настоящий момент представляется целесообразной разработка новой модели правового регулирования правоотношений, связанных с использованием и разработкой искусственного интеллекта (в том числе в рамках ЭПР), которая могла бы снизить риски причинения вреда и другого негативного воздействия новых технологий на жизнедеятельность человека, природных объектов и окружающей среды в целом. Данная правовая модель должна включать специальные нормы о причинении вреда искусственным интеллектом, а также о страховании деликтной ответственности.

2. В законодательстве, правовой науке и на практике недостаточно четко определен субъект ответственности (за причинение вреда) при разработке и реализации искусственного интеллекта. Кроме того, до сих пор отсутствует ответ на вопрос, что по своей сути кроется за понятием «причинение вреда искусственным интеллектом».

3. Для защиты субъективных прав и имущественных интересов участников ЭПР необходимо, чтобы все условия обязательного страхования ответственности за причинение вреда при разработке и использовании искусственного интеллекта (страховой случай, страховая сумма, порядок страховой выплаты) были закреплены в законодательстве, а не в программах экспериментального правового режима.

Список источников

1. Дегтярев М. В. К вопросу об истории и перспективах экспериментальных правовых режимов // Право и государство: теория и практика. 2020 г. № 12(192). С. 169–172.
2. Черепок С. Н. О некоторых подходах к определению субъекта ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом // Образование, технологии и общество на смене эпох: Материалы XX международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах, Москва, 28–29 марта 2024 года. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. С. 651–659.
3. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 79–102.
4. Соловяненко Н. И. Актуальные тенденции правового регулирования и защиты прав в сфере цифрового взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности // Право и практика. 2022. № 1. С. 114–119.
5. Ручкина Г. Ф. Отдельные направления правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в РФ // Банковское право. 2021. № 6. С. 40–50.
6. Попова А. В. Этические принципы взаимодействия с искусственным интеллектом как основа правового регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3 (61). С. 34–41.
7. Виноградов В. А. Правовые аспекты развития систем искусственного интеллекта // Закон. 2023. № 12. С. 157–166.

References

1. Degtyarev M. V. On the history and prospects of experimental legal regimes. *Law and state: theory and practice*. 2020;12(192):169–172. (In Russ.).
2. Cherepok S. N. On some approaches to determining the subject of responsibility for harm caused by artificial intelligence. In: *Education, technology and society on a change of eras: Materials of the XX International Congress with elements of a scientific school for young scientists*. In 2 volumes, Moscow, March 28-29, 2024. Moscow: Moscow University named S. Yu. Witte; 2024:651–659. (In Russ.).
3. Laptev V. A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;(2):79–102. (In Russ.).
4. Solovyanenko N. I. Current trends in legal regulation and protection of rights in the field of digital interaction of business entities. *Law and practice*. 2022;(1):114–119. (In Russ.).
5. Ruchkina G. F. Certain areas of legal regulation of artificial intelligence, robots and robotics in the Russian Federation. *Banking law*. 2021;(6):40–50. (In Russ.).
6. Popova A. V. Ethical principles of interaction with artificial intelligence as the basis of legal regulation. *Rule of law: theory and practice*. 2020;3(61):34–41. (In Russ.).
7. Vinogradov V. A. Legal aspects of the development of artificial intelligence systems. *Law*. 2023;(12):157–166.

Информация об авторах

П. П. Баттахов – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; доцент кафедры гражданского права и процесса Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

Ю. С. Овчинникова – кандидат юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Information about the authors

P. P. Battakhov – Cand. Sci. (Law), Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Ju. S. Ovchinnikova – Cand. Sci. (Law), Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 19.11.2024.

The article was submitted 12.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 19.11.2024.